

Л.А.Н.

И стынет кровь

Самое тёмное
время только
перед рассветом

иногда
самое страшное
не снаружи,
а внутри

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Л. А.Н.

И стынет кровь

<https://litres.ru/74274518>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Иногда самое страшное не снаружи, а внутри».

Пятнадцатилетняя Аврора слишком рано столкнулась со взрослой жизнью. Развод родителей разрушил привычный мир: отец ушёл, мать уехала в другой город, оставив дочь на попечение старшего брата. Одиночество, чувство ненужности и постоянная боль постепенно загнали её в тупик.

Пережив попытку покончить с собой и лечение в психиатрической больнице, Аврора пытается начать всё заново. Новый город, медицинский колледж, работа, первые настоящие друзья и человек, который становится для неё опорой. Но прошлое не отпускает так легко, а любовь оказывается не менее болезненной, чем одиночество.

Это история о взрослении, поиске себя, ошибках, изменах, зависимости от чужой любви и борьбе с внутренними демонами. О том, что самые страшные раны не всегда видны окружающим.

«Иногда спасение приходит не сразу.»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Л. А.Н.

И стынет кровь

Глава 1

*Кто неблагодарен за малое, тот и в большем
лжив и*

*неправеден. Кто болен и знает свою болезнь,
тот должен искать врачевства. Кто*

*объявляет другим болезнь свою, тот близок к
врачеванию своему и легко найдёт*

*оное. Жестокостью сердца умножаются
болезни его; и если больной противится*

врачу, мучение его увеличивается.

*Нет греха непростительного, кроме греха
нераскаянного.*

*И дар не остаётся без усугубления, разве только
когда нет за него*

*благодарности. Часть несмысленного мала в
глазах его.*

** Из творений преподобного Исаака Сирина (слова о
покаянии и исцелении души).*

Я родилась мертвой. Не было первых криков новорожденного, счастливых слез матери и радости в лицах акушеров. Пуповина обвила мне шею и пыталась прервать все попытки к существованию. Врачи боролись за мою жизнь, пока исте-

кающая кровью мать истошно кричала: «Спасите моего ребенка!». Попытки реанимировать синюшное тельце, которое безжизненно расплывалось на столе, увенчались успехом не сразу. Усердные врачи боролись за меня и выиграли этот бой, но, как говорится, не войну.

Какие первые мысли возникают у вас при слове «развод»? Остывшие друг к другу двое людей, которые начинают свой новый путь уже в одиночку, испарившиеся чувства или даже ненависть из-за совершенных ошибок? Большинство думают именно так, забывая в этот момент одну немаловажную деталь. По статистике у 50% разводящихся пар есть дети. То есть у каждой второй разводящейся пары возникают вопросы: как же воспитывать дальше ребенка, совместная опека, встречи по выходным. Или не возникают...

Я попала во второй вариант. После развода родителей, когда мне было 12 лет, «дорогой» папаша исчез с горизонта моей будущей жизни, не намереваясь больше в ней появляться. Буду голословна, если не скажу, что в начале попытки поддерживать общение были, даже редкие встречи в полупьяном виде и обещание грандиозных подарков при следующем визите. Не прошло и года как «самый желанный ребенок», как мне твердили все мое детство, стал безразличен отцу. Куда веселее было названивать бывшей жене, восхвалять свои прошлые заслуги и сыпать, как снегом, оскорбления, в попытках самоутвердиться.

Можно подумать, что для ребенка достаточно одного по-

трясения, чтобы его жизнь основательно изменилась, но моя мать так не думала. Нет, я ее не виню, наверное. Из-за сложившейся ситуации с работой, ей пришлось переехать в столицу и искать новое место для получения дохода, чтобы тянуть двоих детей, оставив на попечение дочь старшему сыну, которому на тот момент был 21 год. Какое воспитание мог привить, по сути, сам еще ребенок подростку, у которого вот-вот разгорался переходный возраст?

Кого я обманываю, обида есть, в глубине души, раздражающая изнутри и доводящая до слез при воспоминании пройденного пути и осознания, что можно было сделать по-другому, что не было такой острой необходимости бежать от дома, детей и ответственности.

Поезд тронулся. Начало для совершения ошибок, перечеркнувшие всю жизнь, было положено основательно. Оглядываясь назад и задаваясь вопросом «Если бы была возможность все изменить, ты бы это сделала?», я могу с уверенностью сказать: «Нет». Без совершения ошибок, в последствии которых мы оказываемся там, где сейчас находимся, этого бы не было, а если вам не нравится, то, где вы сейчас, значит вы не пришли к концу своего трудного пути. Продолжайте идти, совершать ошибки, исправляйте их, ведь жизнь — это не отрезок времени, а путь, который проходит каждый человек по-своему.

Наслаиваясь одно за другим, жизнь перестраивалась каждый день. Так прилежная девочки, спустя три года трансфор-

мировалась в нечто другое. Это не была оторва с красными волосами, выбритыми висками и пирсингом. Это были всегда печальные глаза и натянутая улыбка, чтобы одноклассники, учителя и брат не задавали лишних вопросов. Это были всегда длинные рукава рубашек и брюки, чтобы скрыть образовавшуюся пустоту внутри, которая заполнялась причинением себе же боли. Это был самый веселый человек в компании – клоун, который веселил публику, в надежде рассмеяться хоть раз самому...

Но что-то все-таки стереотипное произошло в этой истории, а именно связь с «плохой» компанией. Нет, нет, вы не подумайте, это были не конченные ублюдки, а всего лишь одноклассница с друзьями наркошами. Внимание к моей персоне было настолько мало, что цеплялась я за каждую протянутую руку. И понеслось: алкоголь – да, сигареты – да, легкие наркотики – да, тяжелые - ... ? Юношеский максимализм был на пике, но в эти моменты отголоски разума давали о себе знать, и хотя бы в этом случае я сумела вовремя соскочить с этой скользкой дорожки.

Окунемся в один из таких дней, который заставил одуматься и не дойти до точки невозврата.

Глава 2

Приехав в 5 утра от родственников из северной столицы, вместо того чтобы пойти домой, я побежала с портфелем на плече и тяжелой сумкой в руках к однокласснице и парню в лес недалеко от дома.

- Ну наконец-то ты вернулась! Месяц в разлуке слишком долго. Мы скучали, – расплываясь в нежной улыбке и раскрывая руки для объятий, произнесла Карина.

- Да, мы уже хотели за тобой выезжать. Я очень соскучился, – дождавшись пока наступит его время проявить чувства, Ермак обвил меня руками и поцеловал, пробиваясь через мои губы, языком внутрь, после продолжительной разлуки проявления нежности стали чужды.

- Как прошла ссылка на севере? Ты так редко писала, мы думали, что уже стали безразличны тебе, – расстилая покрывало на покрытую утренней росой траву, с явной претензией в голосе сказала подруга.

- Да, знаю, я была на расхват. Моя тетка таскала меня по всем выставкам и музеям, а сестра в оставшееся время проводила экскурсии по улицам и ресторанам Питера, – отшучиваясь и отводя взгляд на бутылку виски, появившуюся как будто из ниоткуда, протараторила я.

На самом деле, отвечать им спустя неделю отъезда уже не хотелось. А большинство дней мое времяпровождение огра-

ничивалось просмотром сериалов или прочтением книг. Не обошлось и без парочки новых порезов на бедрах из-за накатившей тоски и виной за съеденную пищу.

Наша компания осела на укромной поляне, расположенной не так далеко от моего частного дома, всего лишь в 15 минутах ходьбы. Было раннее утро, летний воздух еще не прогрелся, даже птицы еще спали. После выпитых двух пластмассовых стаканчиков крепкого алкоголя, стало чуточку веселее. Рука парня лежала на моей талии, а другой рукой он скользнул в рюкзак. В следующий миг перед глазами очутился пакетик с травкой. Получив одобрение от нас, Ермак искусно и быстро смастерил самокрутку, чувствовался опыт в свершаемых действиях. Прикурив и сделав пару затяжек, маленький сверток пошел по кругу.

Так мы просидели в течение двух часов, танцуя босиком по не покрытой еще солнцем зеленой растительности, валяясь на слишком маленьком для нас троих покрывале и смеясь над привезенными историями клоуна.

Время не стояло на месте, и, когда на экране телефона отобразилась первая цифра 7, я начала поспешно втирать аромат влажных салфеток в свои руки, избавляясь от въевшегося до желтой пленки между указательным и средним пальцем запаха сигарет. Жевала жвачку и обливалась дешевыми мамиными духами, у которых давно вышел срок годности. Глупая девочка, надеялась, что эти манипуляции скроют вонь алкоголя вперемешку с никотином, истончающийся

каждой клеткой ее молодого организма.

Сообразив, что утреннее веселье заканчивается, мы договорились собраться вечером и продолжить кутеж. Оставалось придумать как отпросится у брата. Дух авантюризма и жажда приключений еще гложили меня, несмотря на пробуждавшееся отвращение к своим «друзьям».

Действия были отработаны и изучены вдоль и поперек, так что к приходу брата с работы, полы сверкали, посуда была перемыта, а на плите стояло первое, второе и компот.

- Кир, а можно я сегодня к Миле с ночевкой пойду? – чуть ли не шепотом спросила я, всматриваясь в его голубые, но уставшие после ночной смены глаза.

- Ты только приехала домой... - глядя на меня исподлобья, не сводя взгляда, но при этом продолжая есть, отвечал брат. Он сразу понял, что с ночевкой я отпрашивалась не к подружке, как только в нос ударил табачный запах, а в глазах уловил пьяный блеск и чуть расширенные зрачки.

- Но мы давно не виделись. Хочется так много всего обсудить. Скоро лето закончится, а еще надо закончить работу в огороде и времени потом вовсе не будет, – я давила из последних сил на жалость и получила долгожданное согласие.

Не подумайте, ему было не все равно на меня, он просто не знал, что со мной делать. Всем же известно, как реагируют подростки, когда им что-то запрещают? Думаю, он боялся именно такой реакции. Возможно, здесь сыграла еще жалость к моей скучной жизни, ограничивающаяся ведением

домашних дел и работой в огороде.

Время близилось к вечеру и попрощавшись с братом, я побежала на встречу приключениям. Такая ночная вылазка была для меня в первый раз. Бешено билось сердце. Его удары отчетливо ощущались в кончиках пальцах рук и ног. Хотелось есть, но одновременно тошнило, уже несколько дней никакая еда больше не жаждала со мной дружбы. В эти отношения крепко вклинились кофе, сигареты и голод. Но про эти абьюзивные соития чуть позже, не упуская нить повествования продолжу рассказ.

Троица воссоединилась и побрела до первого алкомаркета. Взяв еще бутылку виски, пару пачек синего Winston и мелкую закуску, мы начали розыски укромного местечка. На удивление, уголок для свершения задуманного, нашёлся быстро. Выбор пал на крытую беседку с лавочками, незанятую, как обычно, людьми низшего слоя населения.

- Так куда вы собираетесь поступать? Девятый класс пролетит быстро, – Ермак, уже знатно охмелевший от выпитого количества алкоголя, решил поинтересоваться нашими планами на будущее. Ему уже было 18, но после окончания школы, решил никуда не поступать, а «наслаждаться» разгульным образом жизни с такими же друзьями, бухая через день и балуясь запрещенными веществами.

- Ой, даже не знаю. Может до 11 класса пойду. А вообще, не хочу сейчас думать об этом, – ответ Карины никого не удивил. В ее жизни не было никакой определенности. Поте-

ряв девственность в 12 лет с отчимом, она не думала о своем долгосрочном будущем. Все ее проблемы решались звонком «папочке». Он так не хотел упускать возможность обладать молодым телом, что потакал всем ее прихотям.

- Хочу стать патологоанатомом, – грохот смеха после моих слов, разнесся по всей беседке и его округе. Никто не мог ожидать такого ответа от пополневшей за время каникул из-за невозможности избавиться от еды под пристальным при-
смотром двоюродной сестры, пятнадцатилетней девочки.

- Это очень смешно. Ну серьезно, кем ты хочешь быть? – никак не унимался парень, предлагая мне сухарики в качестве закуски, после выпитого стаканчика жидкости, огнём разливающейся по моему пищеводу и пустому желудку. Предложение закусить было отвергнуто и вместо этого вытащена из пачки очередная сигарета.

- Да поступлю на какого-нибудь экономиста. Мама хочет, чтобы я переехала к ней в Москву и училась там, – решив, что объяснения «почему я хочу быть врачом» будет долгим и бесполезным, решила сказать ложь, удовлетворившая всех слушателей.

Далее шли воспоминания в каком году и для чего ездили мы в столицу. Холодало. Сидеть на улице не было уже возможности, и я взялась предлагать пути отступления.

- Ермак, пошли к тебе.

- Не, мама уже вернулась и сегодня останется дома.

- Карин, может к тебе? Только не говори, что у тебя все

вернулись.

- Нет, не приехали еще, но у меня камеры и, если твое присутствие я еще объяснить смогу, то за мальчика мне точно оторвут голову.

- Есть план. Идем в подъезд. – гордый своей идеей, парень повел нас в единственный многоэтажный дом с открытыми входными дверьми.

Старая краска на бледно-зеленых стенах, изрисованными граффити и исписанными пахабными словечками, встретили нас тишиной и скопившимся за день теплом в замкнутом пространстве. Поднявшись на 8 этаж, самый чистый из увиденных, подруга, недолго думая, рухнула на ступеньки и облокотившись спиной о стену, уснула. Мы все были вымотаны этим долгим и насыщенным днем.

Как истинный джентльмен, Ермак расстелил кофту, лег рядом и, вытянув руку, предложил ее мне как подложку для головы. Усталость валила с ног. Думать о другом ночлеге или возвращении домой, мозг отказывался. Устроившись на предложенное место, я прильнула к груди молодого человека в попытках согреть продрогшее до костей тело. Наши лица оказались в считанных сантиметрах друг от друга. Поцелуй. Его рука поглаживает мою спину и спускается вниз.

- Я хочу спать. – еле слышно бормочу, чтобы слова эхом не разнесло по подъезду, в перерывах между поцелуями.

- Крошка, ну пожалуйста, я так давно хочу тебя. – его слова ласкали мое самолюбие, а поцелуи медленно переходили

ли на щёки и стекали ниже, каждый раз сильнее впиваясь в кожу. В груди защемило. Резко стало противно от ласк, руки сами уперлись в его туловище, отстраняясь, я прерывала контакт между нами.

- В чем дело? Я что-то сделал не так? – встревоженный еще не до конца отрезвевший взгляд пытался уловить признаки получившего отказа.

- Прости, у меня месячные. – ложь. Принявший, без каких-либо более объяснений, информацию, он притянул меня спиной к себе, обнял, прижимая жилистой рукой, и, уткнувшись в макушку носом, мирно засопел.

Отвращение захлестнуло с головой. Пытаясь понять, что же все-таки больше всего вызывало это чувство, глаза слипались как промазанные клеем листки бумаги. Я погрузилась в сон.

Пробудиться заставило движение под головой. Ермак аккуратно пытался вытащить свою руку, использованную мной как подушку. Бросив взгляд на стену, я увидела просачивающийся и озарявший, куда только мог попасть, через пыльное, давно немытое окно, луч встающего нехотя желто-розового светила.

- С добрым утро, – улыбаясь и отряхивая с себя прилипшие частицы грязи, шептал Ермак.

- С добрым ...- хриплый до неузнаваемости голос тронул мой слух. Сделав пару глотков воды, которая тут же исправила ситуацию, я подошла ближе к окну, – который час?

- 4:40, мы проспали пару часов. – произнес парень, подходя ближе ко мне и притягивая к себе мое еще пьяное тельце. Через протертые джинсы, плотно облегающие каждый сантиметр тела, я отчетливо ощутила твердый детородный орган молодого человека, который вскользь, как будто случайно, терся об меня. Он отвел чуть в сторону мою голову, и на шею тут же стали литься поцелуи. Мои глаза не теряли из виду поднимающееся из-за старых девятиэтажек и набирающее силу солнце. Я стояла неподвижно, но пульс быстро и четко бил в ушах. Ладони становились влажными, а дыхание так и норовилось сбиться из-за не справляющихся со своей работой легких, накрывших сильное возбуждение.

- Ты такая красивая, – сверху вниз он смотрел на меня и любовался как восходящий кружок света играет своими лучами в каре-зеленых глазах. В миг все волшебство этого утра испарилось, из-за разнесенного по всему пространству храпа. Не сдержавшись, смех покотился от нас обоих, тем самым пробудив подругу от столь безмятежного сна, от которой и возник шум.

- Ребят, а мы вообще где? – Карина, не вставая со ступенек, но чуть приподняв корпус, смотрела на нас затуманенным взглядом.

- На другом конце города. Автобусы начнут ходить через полчаса. У вас есть деньги на проезд? – не дождавшись ответа, Ермак вытащил купюру и сунул мне в передний карман джинс, – я провожу вас до остановки.

Мы вывалились на непрогретую солнцем улицу. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Людей на улице еще не было, так что медленным шагом три пары ног побрели в сторону дороги.

Дождавшись своего автобуса, я прыгнула в пустой салон, разместившись около окна, подруга плюхнулась рядом и уронила голову мне на плечо. В последний раз взглянув на парня, поняла, что это конец.

Глава 3

Дальнейшее общение с таким контингентом могло бы привести к ранней беременности, употреблению тяжелых наркотиков, неизлечимым заболеваниям и т.д. – известные факты. Но мы не пророки, чтобы знать будущее, которое не случилось.

Отказавшись от такой компании, я стала искать что-то новое для своего времяпровождения. Оказалось все куда проще, чем кто-то мог подумать. Самое лучшее занятие - это оставаться с собой наедине, но не в том случае, если ваша психика нестабильна. Так закончилось мое лето и начался последний год обучения в школе.

Закрывшись ото всех, прогуливая или убегая с занятий, а иногда уходя через окно из комнаты по ночам, я странствовала по окрестностям леса, лугов и железных дорог в другой стороне от города.

Проходящие поезда разгоняли воздух, который подхватывал и трепал мои непослушные посеченные концы волос. Солнце облизывало уже и так порумянившие щеки и лоб. Чуть слышное пение птиц переливалось с шелестом еще зеленеющей травы. Все это стало моим убежищем, где я могла расслабиться, подумать о смысле жизни, как бы это банально ни звучало. А вы задумывались о нем когда-нибудь? Нашли ответ? Нет? Я нашла. И как мне казалось, другого варианта

не могло быть. Вариант, который и повлек дальнейшие события.

До первых сильных морозов я приходила в этот умиротворенный уголок. Выплескивала здесь свои переживания, рассекая, словно подтаявшее масло, кожу на бедрах, плечах и предплечьях. Что мог еще поделаться ребенок, до которого не было никому дела, да и ему дела уже ни до чего не было.

Только приходя домой и обрабатывая раны, словно молитву шептала слова обещания, что это последний раз, когда я, поддавшись слабости, наносила отметины, заливая их в тот же момент срывающимися с глаз солеными слезами бессилия. Но вот наступали следующие сутки и все повторялось. День за днем, по кругу, без праздников и выходных. Только рука давила сильнее, прижимая острое к плоти, в надежде испугаться боли и прекратить насилие. Не сработало, перешло на новый уровень.

Медленные контролируемые движения несут за собой ожидаемые последствия. Честно, не помню, когда и из-за чего потеряла контроль над этим, но другое четкое воспоминание рвется наружу. Я сижу на кровати, рука вытянута чуть ниже уровня головы, в пальцах зажато одноразовое лезвие, наотмашь кисть летит вниз и, как секира, словно ничего и не стояло на пути, раскраивает бледную, изрядно истерзанную кожу ноги. Не чувствую боли, сие деяние повторяется несколько раз. Звук, открывающейся двери на первом этаже, смог меня остановить. Испугавшись разоблачения, быстро

перемотала ноги бинтом, и натянув пижамные штаны, бегу по лестнице встречать брата, ощущая как по ноге предательски стекают струйки крови из-под белой медицинской ткани.

Март. Зима тихими шагами отступает, теряя тот напор, который чувствовался в прошлые месяцы. Третью неделю заполняю чернилами еще в детстве заброшенный дневник. Только теперь его предназначение изменилось. Вместо анкет своих одноклассников, страницы принимают слова оскорблений моим наклонностям и разделяют серые однообразные будни. Начав писать каждый прожитый день, я заметила одну закономерность - они одинаковые. Школа, дом, бытовые задачи и больше ничего.

Начало весны - для школьников радостная пора, предвещающая конец учебного года и долгожданные трехмесячные каникулы. Девятый и одиннадцатый класс омрачает этот трепет предвкушения свободы и теплых летних вечеров. Написание пробников по выбранным предметам еще тот стресс, способный выбить из колеи даже самого заядлого зубрилу. Пока все пытались успокоиться глицином и валерьянкой, я стояла недалеко от школы все с той же подружкой Кариной, выкуривая очередную папиросу. Мосты между нами я не сожгла, но изрядно подпалила, ограничив общение стенами школы.

- Успела сделать шпоры? Вчера в группу сбросили по всем вариантам, - ее взгляд метался между мной и тропинкой между железными стенами гаражей, где мы спрятались от

окружающего мира.

- Нет, даже не открывала их, – на лице приподнялся один угол губ, создав образ надменной полуулыбки.

- Настолько в себе уверена? – приподняв бровь, спросила подруга.

- Да, на все 100 процентов, - язвительно ответив, я накинула портфель на плечо и развернувшись к выходу, шикнула, – докуривай и пошли. Время!

Никто не знал, что готовиться к экзаменам мне было бессмысленно. План могучими корнями пророс и обвил мой мозг, не давая прорваться другим мыслям. Отсидев три мучительно долгих часа в душном кабинете, мне разрешили сдать работу, на выполнение которой ушло максимум 30 минут. Химия не была моей сильной стороной, но не так давно я мечтала поступать в медицинский, а это оказался один из обязательных предметов. Первые два задания и правда были мной решены с увлечением, но змеей вокруг шеи обернулось осознание предстоящего события, и попытки дальше вникнуть в материал не увенчались успехом.

Шли последние приготовления. Пройдя несколько аптек, я все-таки нашла ту, где продавали лекарства без рецепта. Провизор, окинув меня с головы по пояс, на этом ее обзор заканчивался из-за стойки с препаратами, надменным взглядом, прищулив глаза спросила: «Рецепт есть?» Пошупав карманы и заглянув в портфель ради пущей убедительности, я пожала плечами и с грустью в голосе произнесла:

«Мама, наверное, забыла отдать...»

В ответ молчание и то же холодное безразличное выражение. Понутив плечи, я уже хотела развернуться и уйти, но услышала усталый вздох и перед моими глазами появилась желанная коробочка. Отсчитав скопленные копейки и поблагодарив сотрудника, я выбежала на улицу и с облегчением понеслась домой.

Глава 4

1 апреля – день смеха, день дурака или день моего самоубийства.

Утро. Слышу звук шин по мелкому камню и тонкому лоплющемуся под тяжестью льду отъезжающей от дома машины брата. Глаза слипаются. Сон вышел никудышный и короткий. До ночи я сидела и писала записку родным. Одна за одной слезы стекали из опухших глаз и падали на лист белой бумаги, размывая написанный текст.

«Мама, Кира, я вас очень люблю. Знаю, я была плохой дочерью и никудышной сестрой. Без меня вам будет лучше.

Мама, прости за все. За всю боль, которую я причинила тебе. Прости за все бессонные ночи, за истерики, за отвратительное поведение. Прости за истраченные на меня нервы. Спасибо за все, что ты для меня делала, я благодарна тебе за подаренную жизнь и все то время, проведенное вместе. За все возможности, которые ты для меня открыла и не успела открыть. Я люблю тебя, твоя дочь Аврора.

Кира, ты самый лучший брат на свете. Ты - лучший друг, который мог бы у меня быть. Ты научил меня всему, и я это очень ценю. Ты скрашивал мои серые дни, делая их цветными. Ты не оставлял меня одну в трудную минуту, а я так старалась тебя оттолкнуть. Видимо, это я сломанная, раз не видела все твои старания до этого дня. Я не достойна

иметь такого брата, как ты. Получать ту любовь, которую ты мне дарил, хотя с таким упорством скрывал. Я так надеюсь, что твоя жизнь станет настолько красочной и насыщенной, что ты забудешь обо мне и о той боли, которую я тебе причинила.

Не вините себя, я просто не вижу смысла больше существовать и портить всем жизнь.

Я вас люблю. Прощайте.»

Время 9:00 – начало урока. От Карины сыпятся смс. Ответ короткий «Прости за все, что делала не так». Убираю пинкод и выключаю устройство. Выкладываю на стол ежедневник, телефон и письмо. Последний раз перечитываю содержание записки, нос начинает пощипывать от нахлынувшей грусти. Ухожу из комнаты и последний раз оборачиваюсь, любясь рассветом, обволакивающим часть пространства.

Ванна начинает набираться теплой водой. Не теряя времени, выдавливаю все таблетки из блистера. В ладони горсть, состоящая из 60 белых кружочков, снотворного. На краю ванны, обнажив свои края, лежит только что распечатанное новое лезвие. В голове молнией ударяет мысль остановиться. Глоток. Еще глоток. Пилюли скатились в желудок. Обратного пути нет. Это как спор, но в случае с другим человеком он может обернуться твоим поражением и большой беды в этом не будет, а с самим с собой это становится принципом, переходящим все дозволенные грани.

Погружаюсь в воду. Одежда прилипает к телу, делая дви-

жения неприятными и сковывающими. Пульс учащен. Выключаю воду и беру железку. В голове туман, а голос внутри кричит «Остановись! Остановись, пожалуйста, остановись!». Голос разума пытается пробиться сквозь туман безумия. И вот по запястью тонкой струйкой льется кровь. Лицо мокрое не от воды, умываюсь слезами, но не от боли, а от беспомощности и презрения к себе. Второй, третий... седьмой, следующий ложится на сгибе левой руки. Перехожу на другую. Четыре. Зрение ухудшается, делая все вокруг размытым и нечетким. Уставшие глаза закрываются, я облакачиваюсь на спинку ванны и засыпаю.

Конец? Вот и прожита жизнь еще одного человека, закончившаяся в 15 лет. Что будет написано на моем надгробии? Как отреагируют родственники? Уже неважно. Спокойствие, вот оно, так долго я тебя искала.

- Блять, блять, блять! Ари, очнись! – Карина трясет меня за плечи. Не хочу открывать глаза, так хорошо в темноте.

- Вызывай скорую, быстрее! – кричит она кому-то.

С усердием разлепляю веки. Подруга сидит перед ванной и с ужасом смотрит на алую воду. По стене, бледнея, медленно сползает Поля, в глазах страх и безмолвный крик ужаса. Девочка на два года младше нас, но ведет куда более разгульный образ жизни. Родители бросили ее на бабушку, которая с трудом могла обслужить себя, поэтому на тот момент девятилетнему ребенку пришлось быстро всему учиться. Недостаток контроля проявился уже на одиннадцатый год жизни,

когда общие знакомые ввели ее в свет мальчиков постарше.

- Не надо скорую, - сухими губами шепчу я.

- Живая. Что ты сделала, Господи. Что значит не надо скорую? Что нам делать? – Карину начинает трясти от зрелища, ее зрачки бегают от моего лица к рукам и обратно.

- Вы не должны были приходить. Зачем вы тут?

- Мы тебе писали и звонили, ты не брала трубку, а потом это смс... Поля, звони в скорую!

- Я сказала, что не надо никого вызывать. Они спасут и что тогда делать мне? Что будет со мной?

Молчание. Осознание того, что меня ожидает после спасения, озарило ее. Лечение в дурке, а потом белый билет на всю жизнь, вот что меня ждало от спасения.

- У тебя кровь свернулась. Режь еще и, если через 20 минут ты не умрешь, мы зовем на помощь, – безэмоциональное лицо говорило эти слова.

Вновь по уже разошедшимся краям кожи проносится лезвие. Река крови понеслась из глубокой зияющей раны. Бедная Поля, закрыв руками лицо и поджав колени, молилась. Карина закурила и, сделав пару тяг, передала мне.

- Вонять будет, брат учует, - забирая кровоточащей рукой сигарету, сказала я. Никотиновый дым драл сухое горло, а губы прилипали к обслюнявленному фильтру.

- Тебя правда это сейчас беспокоит? – вопросительный взгляд бросился на меня, а дальше смех, вызванный абсурдной ситуацией.

Вода больше не грела, а создавала обратный эффект. Пальцы на руках и ногах перестали ощущаться, губы синели, одежда неприятно тянула кожу. Времени прошло достаточно, но вкус смерти уже не чувствовался. Только жуткое головокружение и безразличие к дальнейшим действиям.

- Поль, вызывай скорую, - мои слова прозвучали как гром среди бела дня. Все это время мы сидели не разговаривая, а на фоне играла музыка.

Дальнейшего разговора я не слышала, так как пошла переодеваться. С рук все также стекала кровь, но уже не с таким напором. На сухой чистой одежде оставались красные пятна. Туман в голове плотнел, создавая плотную пелену перед глазами. Легла на диван, игнорируя все вопросы подруг и закрыла веки. Устала. Хочу спать.

Глава 5

Вой сирен доносился до отуманенного дурманом разума. Скрип колес раздался вблизи дома, а через мгновение хлопков дверей и топот ног по слякоти весенних дорожек. Бригада скорой ворвалась в комнату и, преодолевая мимолетный ступор, двинулась ко мне. Из-за резкой смены положения, кровь вновь нашла выход из моего тела и начала свой незаконченный путь. Победив желание окунуться обратно в сладостный сон, я все-таки завершила попытку сесть. Облокотившись на спинку дивана и задрав лицо к потолку, часто заморгала, отгоняя подступившие слезы. Осознание происходящего до конца не формировалось в моей голове. Смешанные чувства плескались во мне как малые дети в первое купание года в еще непрогретой воде. Стыд, жалость, страх, волнение, паника: все перемешалось и накрыло меня с головой. Так хочется просто исчезнуть.

Женщина постарше сориентировалась быстрее всех. Опустив на пол медицинский чемоданчик, надела перчатки и, схватив пачку бинтов, ринулась ко мне. Туго перематывая запястья, в попытках остановить кровь, начала выуживать информацию: - Ты меня слышишь? Как тебя зовут? Ты что-нибудь принимала? - Да, таблетки снотворные. - Сколько штук? - Всю пачку... 60 таблеток. На секунду руки женщины остановились и в глазах пронесся ужас. - Где пачка от таб-

леток? Как себя чувствуешь? – не унималась дама в синей хирургичке. - В мусорке на кухне. Очень хочу спать, - почти шепотом, еле двигая языком, сказала я и, тяжелые веки как шторы стали ползти вниз. - Один, бегом на кухню, ищи пачку и тащи инструкцию. Вторая, доставай зонд и найди ведро!

Следующие события происходили как в тумане. Хлопанье дверей, громкие голоса и плеск воды. Что-то холодное и резиновое лезет мне в рот. Начинается кашель, пытаюсь убрать эту гадость, но мои руки удерживают. Шланг уже внутри, ощущаю наполнение желудка жидкостью и тут же опустошение.

Холодный клеёнчатый материал липнет к моей коже, пока машина с мигалками летит по ухабистой дороге. Как я попала сюда – не помню.

Коридор детской больницы. На меня оборачиваются взрослые, а дети, испугавшись крови, прячутся за родителями. Меня заводят в кабинет, краем глаза успеваю посмотреть на дверную табличку «Детский психиатр». За столом в халате на пару размеров больше, чем нужно, сидел седовласый докторишка. Строгий взгляд из-под очков остановился на руках. - Вы ее зашили? – сухо и безэмоционально произнес голос в белом. - Еще нет. Сказали к вам вести сначала, — полуизвиняющимся тоном говорил молодой паренек фельдшер, сопровождающий меня из машины скорой. - В 315 к хирургу, потом ко мне и желательно с родителями, - не поднимая больше глаз утвердительно проговорил «халат» и

продолжил дальше писать.

И вот я уже на операционном столе, с голыми ногами и пальцы начинают приобретать синюшный цвет. Никто не подумал надеть мне носки, когда натягивали на меня обувь. Честно, я удивлена, что вообще была в обуви. Сборы в больницу были стремительны, но добрый фельдшер позаботился, чтобы по подтаявшему снегу я шла не босыми ногами.

- Колоть тебе обезболивающее или нет? Вижу, ты любишь боль, —с ехидством сказала хирург. Молодая женщина лет тридцать с натянутой наполовину закрывавшей лицо маской стояла рядом и набирала в шприц Лидокаин. Ее вопрос был риторическим, так как уже в следующее мгновение игла пронзала кожу вокруг порезов. Неприятно. Послышался звук шуршащей бумаги. Она распаковывает нити для наложения швов.

- Ох, ну и зачем надо было резать так близко, зашивать совсем неудобно! — не то в шутку, не то с упреком она продолжала вести свой монолог, не унимаясь ни на минуту, - неразделенная любовь или папа не разрешил встречаться с мальчиком?

Пробивающиеся лучи солнца через слои туч врезались в хирургические инструменты и по всей комнате начали скакать солнечные зайчики. Я лежу молча, отвернув голову от происходящей манипуляции и наблюдаю за игрой света. Пусто. В голове, в душе, в глазах, не осталось ничего...

- Швы получились не очень аккуратные, но какая тут уже

разница, всем и так будет понятно ЧТО ты сделала. Можешь вставать и идти к психиатру, - снимая перчатки и небрежно пуляя их в желтый контейнер, произнесла врач.

Пришлось приложить усилия, чтобы подняться со стола и шоркающими движениями вытечь за дверь. Нет сил. С каждой минутой их становилось меньше. Часть снотворного все равно успела всосаться и начала свое действие. Я плюхнулась на обшарпанную скамейку возле кабинета и уронила голову на руки, со стороны это выглядело больше, что у меня болит живот, но никак не голова.

Из забытия меня вытаскивает до боли знакомый звук - стук военной обуви по ступенькам лестницы. Кира и Марк врываются в коридор на третий этаж. Их глаза в суматохе начинают сканировать каждого человека в помещении. Мои глаза встречают взгляд брата. В один миг он состарился на 20 лет, иначе как объяснить наличие иссекающих кожу морщин на лбу, впавшие глаза и седина на висках, хотя вчера этого не было.

В его руках дрожит белый лист. Вижу черные подтеки на бумаге и тут до меня доходит – это моя предсмертная записка. Господи, как больно смотреть на брата. Слезы наворачиваются на глазах. Он медленно поступает ко мне, Марк следует рядом. Он просто в шоке, взгляд безумен и мечется из стороны в сторону не позволяя сосредоточиться на мне.

- Кир, прости, прости меня... - вот чего я на самом деле боялась. Ни психушки, ни что скажут люди, ни просранного

будущего и всей жизни. Я боялась реакции брата. Я так боялась посмотреть в его лицо и увидеть разочарование, нанесенное моим предательством, в глазах. Я его убила. Убила старшего брата, не используя никакого физического оружия.

- Куда надо идти? – голос сухой, как воздух в пустыне. Это не голос моего родного человека, я не узнаю его.

- В этот кабинет, - большим пальцем я махнула через спину. Четыре глаза приковали свой взгляд к бинтам на запястье. Кира с яростью схватился за ручки и рванул на себя дверь, что та чуть не слетела с петель. Грохот закрывающейся двери разнесся по всему зданию. Марк сел рядом и просто смотрел прямо перед собой. Мы молчали, а за дверью бушевал ураган. Я трясусь от холода и страха. Ботинки на ноги мне надели, а про верхнюю одежду уже никто не подумал. Резко и без предупреждений на мои плечи падает военная куртка. Аромат мужских духов врежется в нос.

Никто точно и не помнит, как зародилась дружба между Марком и Кирой, и когда он стал вхож в наш дом, но сколько себя помню он был всегда рядом. Он был для меня почти вторым братом. Почти – как много кроется за этим словом, а точнее первая детская любовь. Но мое сердце было разбито. Уже как год он был женат. Мой протест был громким против этого союза. Мама и брат были приглашены на свадьбу в качестве родственников, и, между прочим, я тоже. Мама каждый день упрашивала меня пойти на торжество, но я как баран стояла на своем отказе. До этого момента я старалась

избегать его, то есть почти год мы почти не разговаривали и не виделись, хотя до этого момента было столько незабываемых моментов. Догонялки по всему дому, когда я в кураже спускаюсь по лестнице, а за мной летит это двухметровое тело, с целью надрать мне уши, потому что на протяжении десяти минут я щипала его, пока он был погружен в игру. Гонки с этими двумя безумцами на машинах по пустым дорогам. Ночные посиделки в гараже, где парни пили пиво, а я сидела в кресле, ела чипсы и наблюдала за ними, пока ремонтировались машины. Такие теплые и родные воспоминания. Как я могла все это потерять? Почему он больше не смотрит на меня?

- Поехали домой, - черный ком ярости и злобы вышел из кабинета и прошипел приказ сквозь зубы. В его руках появились новые бумаги, но смелости спросить что это и что вообще будет дальше я не набралась. Дорога до дома была в тишине, только звук работающего двигателя и шум улиц доносился до ушей.

Спать. Было только одно желание, забиться в угол кровати и уснуть мертвым сном. Мы как роботы по заданной программе двигались в дом. Молчание никто не решался прервать. Скинув с себя ботинки и повесив на крючок куртку Марка, я поплелась в свою комнату и, накрывшись двумя одеялами с головой, погрузилась в сон в надежде не проснуться...

Глава 6

- Мам, я не знаю, что делать. Врач дал направление в лечебницу, если мы ее не отвезем завтра, то через день за ней придут и заберут силой.

- Я ее убью! Я лучше убью ее сама! - гневный голос матери донесся до второго этажа.

И почему я не умерла? Жжется. Горят запястья. Обезболивающее перестало действовать и боль от рук отдает в голову. Еще и голод накрыл до тошноты. Все-таки придется вставать и идти есть. Скинуть с себя одеяло оказалось куда труднее, чем предполагалось. На ватных ногах спускаюсь по скрипучей деревянной лестнице и вижу две фигуры: разъяренная и потерянная мать и измученный, уставший брат. За мной наблюдают, но не произносят ни слова. Маму я не видела пару месяцев, а должна она была приехать как раз сегодня... к моей смерти.

Желудок еще сильнее сжимается и ощущения тошноты вперемешку с голодом уже на пределе. Хочу провалиться под землю, исчезнуть, умереть, просто испариться, но никак не стоять под гнетом взглядов. Открываю холодильник и решаю, что можно уговорить этот аппетит.

- Ну здравствуй, дочка. С матерью не здороваешься? – тело прошиб ледяной пот от ее слов. Медленно повернув голову, я посмотрела на ее лицо.

- Здравствуй, мама... - губы начинают дрожать, а глаза не выдерживают этого укоризненного, метаящего молнии, взгляда.

Не ждите дальнейшего диалога, его просто не было. Я ожидала всего: криков, требований все объяснить, вопросов «зачем» или даже разбитой посуды. Но не было ничего. И это было страшнее всего перечисленного. Слезы катились сами по себе, а руки не слушались вовсе. Все сели за стол, на котором была куча использованных салфеток, две рюмки и бутылка водки.

- Собирай вещи, завтра отвезем тебя в психиатрическую лечебницу, – смотря в стену стеклянными глазами сухо и безэмоционально произнесла мать.

- Хорошо, - бросила я и тут же поплелась в комнату.

Вещей много не оказалось. В последнее время они стали все малы и брать почти что было нечего. Большую часть сумки занимали карандаши, альбом и всякая мелочь для рисования. На этом сборы закончились, как и мои силы, все-таки день выдался тяжелым, как физически, так и эмоционально. Спрятавшись опять под одеялом, мысли огромной лавиной накрыли с головой.

«Что же будет дальше и как я буду жить? Как я вернусь в школу и как сдам экзамены? Куда буду поступать и куда меня вообще возьмут, после псих больницы? Господи, я не хочу об этом думать, а больше этого не хочу проживать! Не хочу, не хочу! Боже, пожалуйста, дай мне умереть, я умоляю

тебя, убей меня, я не хочу больше жить и испытывать боль и страх! Просто закрыть глаза, уснуть и больше не проснуться, как же я об этом мечтаю...»

Пока молодая душа терзалась и молила Господа о смерти, на кухне погибали другие. Виня себя в произошедшем, осмысливая, что они упустили в воспитании и проливая горькие слезы, брат и мама пытались найти решение и продумать дальнейшие действия. Они уже догадывались, что спокойной жизни им не видать. Органы по делам несовершеннолетних вцепятся в них зубами и затаскают по кабинетам с объяснениями о случившемся.

Глава 7

Четверг. 2 апреля 2015 года. Время 8:30 утра. Мама и брат везут меня в психиатрическую лечебницу. Опять молчание, только уже двухчасовое. Мокрый снег бьет и липнет к окнам машины. В наушниках на репите играет Земфира, а высохшие глаза от слёз то и дело закрываются под тяжестью распухших век.

Приехали. Мрачное и серое здание громоздится посреди леса вдали от цивилизации. По бокам расположены отдельные корпуса, но мы двинулись к центральному с грозной вывеской «Областной клинический психоневрологический психдиспансер». По коже пробежали мурашки. Брат отворил обшарпанную громоздкую дверь с массивной узорчатой ручкой. Первой вошла мать и встала в ступор. Резкий больничный запах ударил в нос, а решетки на окнах пропускали мало света в такой пасмурный день, что длинные коридоры были похожи на хоррор-фильм, чем на больничное здание.

- Здравствуйте, чем могу помочь? - откуда-то сбоку появился мужчина чуть за 50 в халате.

- Да, здравствуйте. Мы по направлению, — мать протянула сложенную бумажку врачу. Он выхватил лист и быстро пробежался по нему.

- Понятно, значит, суицид. Пройдемте в кабинет, - и указал на дверь слева.

- Мам, я не могу... Я пошел, - чуть слышно протараторил брат и вылетел на улицу.

- Кир, не уходи, - но мои слова эхом повисла в воздухе. Брата уже не было, и просьба не успела дотронуться до него. Укол в сердце и пустота на душе. Он бросил меня. Оставил одну, как и я попыталась оставить его. Мой старший брат, моя опора, мой дом - не осталось ничего. Мама дернула меня за руку и мое оцепеневшее тело повело в сторону кабинета.

- Так, Марин, возьми девочку и осмотри ее. Мама, вы останетесь со мной, заполним документы.

Мариной оказалась безобразная женщина лет сорока; обрюзгшее тело облежала кофточка на пару размеров меньше, толстые ноги облепила юбка-карандаш, а на лице как маска джокера «боевой раскрас» из красных губ, обведенных выше контура карандашом на несколько тонов темнее самой помады, грязно-синие тени на нависшем веке и паучие лапки вместо ресниц.

- Комната через дверь слева, пошли, - на выдохе производила слова Мариночка и держась руками за столешницу, пыталась подняться с покосившегося от ее веса стула.

В комнате не было ничего необычного: два шкафа со стеклянными витринами и стоявшими за ними препаратами, перевязочным материалом, инструментами, пару стульев, стол и... ванна. Почти на всю комнату раскинула свои борта чугунная ванна! Меня собрались мыть? О нет, меня собралась мыть эта ЖЕНЩИНА?

- Николай Петрович, а процедуру полностью проводить?

- Нет, Мариночка, давай без помывки. Девочка из дома, чистая.

- Раздевайся до белья, я сейчас достану тебе одежду.

Только я подумала во избежание участи стыда, он все равно настиг меня. Нехотя и стесняясь я начала стягивать с себя одежду.

- О, Боже, мама, подойдите сюда! – женщина с перекосившимся лицом крикнула в соседнее помещение. Тут же в дверях появилась мать. Ее руки потянулись вверх, одна остановилась в области груди, а другая зажала рот. Из глаз потекли слезы, они бегали с моих бедер на свободные от бинтов части предплечья и плеч. Иссеченные участки тела жгло от боли и сверлящих взглядов трех людей. Скрестив руки на груди, я отводила взгляд и молилась, чтобы это наконец все закончилось. Пунцово-красное лицо горело от стыда, а соль от слез уже начинала разъедать щеки. Сцена была немая, опять никаких слов, только колкие полные боли глаза.

- Н-да, понятно, мамочка, пройдемте обратно, - первым пришел в себя врач и увел мою мать дальше заполнять бланки. За стеной слышались всхлипы и невнятное бормотание.

Все тело дрожало от холода и позора. Дряблые руки протянули мне тряпки с фиолетовым цветочком, как оказалось, это была сорочка. Сняли с меня и бюстгальтер, а дальше обрезали ногти под корень тупыми громадными ножницами,

что потом еще неделю было больно касаться предметов подушечками пальцев. И вот я в застиранной белой «наволочке» в цветочек, в резиновых тапочках и коротких носках стою перед железными прутьями, отделяющими вход от больничного блока. Из вещей мне разрешили взять только полотенце, мыло, зубную щетку и пасту. Все остальное отдали матери и сказали привезти только спустя время. И чем же мне заниматься все это время? Оставили ни с чем, забрали все, так еще и отправляют к незнакомым людям, к психам, одну меня! Мне кажется, что я уже не могу ничего чувствовать кроме страха и стыда.

Черепашкой выползает из-за двери Мариночка, держа в руке документы, в другой руке - связка ключей. Я оборачиваюсь, в надежде увидеть мать и начать умолять ее забрать меня, но в результате замечаю краешек ее куртки, исчезающий за закрывающейся дверью. Вот и все. Меня оставили все, как я и хотела. Конец.

Глава 8

Конец той прошлой жизни, которая была построена на доверии и взаимопонимании. Конец мечтаниям о светлом будущем. Да и конец всему тому привычному и обыденному. А чему начало?

- Девочки, принимайте новенькую, - Мариночка распахивает передо мной дверь в палату и в нос бьет резкий запах затхлости и ... мочи! Шесть коек, из которых пять уже заняты, и я оказываюсь на самой первой к двери кровати.

Дверь с противным скрипом и шоркающим звуком хлопнулась, обдав меня потоком воздуха и на мгновение показалось, что запах мочи причудился, но не прошло и нескольких секунд как вонь вернулась. Зашевелились пружины под продавленными матрасами, зашуршало ветхое застиранное в хлорке постельное белье, послышались старческие кряхтения и более молодые поскуливания с разных сторон комнаты.

-Ну здравствуй, ребенок. За что положили? Тебе сколько лет-то? – резко сбоку раздался звенящий как колокольчик голос.

- Здравствуйте, меня зовут Аврора, мне 15. Я... я... я..., - а дальше язык не поворачивался произнести слова. Что же я сделала? Как теперь это сообщать людям, что обо мне подумают?

- Суицид что ли? – голосок стал еще звонче, что от одного прикосновения до моих ушей, все тело покрылось мурашками. Меня будто ударили мешком по голове. Как она догадалась?

- Как вы... как вы поняли? – смотря себе под ноги, и, сдерживая дрожь, чуть шепотом спросила. «Колокольчик» все это время смотрела мне в лицо, а когда наши взгляды пересеклись, то переместила взор на руки и головой качнула в их сторону, - а, ну да, теперь понятно.

- Ну чего стоишь, располагайся. Ты скорее всего надолго с нами, - как можно радушнее ответила она.

Потупив глаза в пол, пока осознание происходящего все больше повергало меня в шок, я все-таки взяла себя в руки, выдавила полуулыбку и начала разбирать вещи. Точнее сказать все что от них осталось после тотальной ревизии. Вокруг разгорался прерванный моим появлением разговор, из которого я сделала вывод, что «колокольчика» зовут Ася. В противоположной стороне от меня следующая койка принадлежала миловидной старушке лет за 65. Ее голову почти полностью покрывала седина, а лицо было покрыто морщинами. Губы превратились в тонкие ниточки, а глаза потеряли былой блеск и превратились в полупрозрачные шарики с голубым отливом. Она сидела, свесив ноги с кровати и с долгими парой паузами, но с теплотой и любовью в каждом слове рассказывала Асе о своем сыне.

Следующую кровать занимала молодая девушка, я даже

бы сказала девочка моего возраста. Лежала она молча и на первый взгляд можно было подумать, что она спит, но глаза были открыты и неподвижно смотрели в потолок, а пересохшие губы что-то неслышно шептали.

Оставшиеся три койки с их жильцами не имеют смысла в представлении. Знакомиться они не стали, а на следующий день их перевели в другие корпуса.

- Бабоньки, процедуры! - неожиданно дверь распахнулась и со всей силой ударилась о стену, что даже куски краски и облицовки посыпались с потолка. «Подружка» Мариночки ввалилась в палату. Именно ввалилась, так как с ее габаритами нельзя было бы использовать другое слово. Она привезла медицинский столик, на котором были подготовлены шприцы с лекарством, по ячейкам расфасованы таблетки, а также рядом стояли капельницы.

- Белинская?

- Я тут, - Ася подала голос и начала переворачиваться на живот. Руки медсестры работали быстро и не задумываясь. В ее движениях не было и капли сомнения.

- Писчук?

- Это я, - бабулечка помахала рукой и с улыбкой ждала медсестру. Я уже была готова заново наблюдать работу профессионала, но к моему огорчению, старушка получила только три таблетки, проглотила их и открыла рот, демонстрируя отсутствие спрятанных таблеток и большинства зубов.

- Павлак? – медсестра медленно обвела палату усталым взглядом, но в ответ не получила ничего. – Кто здесь Павлак? Тебя как зовут? – ее глаза с прищуром вонзились в меня

- Я? Аврора Павлак, - и тут до меня дошло, что она называла мою фамилию, а я даже этого не понимала.

- А чего молчишь? Глухая или совсем идиотка? Судя по бинтам – идиотка. Ляг на спину и засучи рукава, – брызжа слюнями с гавканьем вместо речи, она перекатывалась ко мне, таща за собой капельницу. Мой язык онемел, а к глазам опять подступили слезы. Не плакать, не плакать, не плакать. Горечь обиды и унижения обдала меня словно кипятком. Проглотив оскорбления, я молча выполнила указание, и в следующий миг плечо сдавил жгут, а холодная ватка уже оставляла свой мокрый проспиртованный след на сгибе руки. Игла вонзилась в плоть без особого сопротивления, открывая прямой путь в мой организм неизвестной жидкости.

- Лежишь и не шевелишься полчаса, поняла? – злоба так и сочилась из криво покрашенных противно розовой помадой губ.

В уши все-таки стали забиваться стекающие горячие слезы. Нижняя губа вздрагивала, а остальное тело была уже заметная дрожь. Не отрывая глаз от лопнувшей краски на потолке, которая своими расползавшимися и пересекающимися между собой трещинами напоминала работу паука, я лежала молча, уже не вслушиваясь в разговор соседок и молилась, чтобы этот кошмар наконец-то прервался.

- Твою мать, ты чего не сказала? Больно? – мои молитвы прервала, уже вернувшаяся медсестра. Видимо усталость взяла надо мной верх, и я уснула. Женщина с перепуганным видом и ... что это – жалость? В ее глазах была жалость? Ничего не понимая, я опустила голову и тоже посмотрела на то место, куда тарасилась она. Что за черт! Пока я спала, то правая рука тягала гантели?

- Мне не больно, вроде бы. Так и должно быть?

- Нет! Как ты сразу не почувствовала и почему не сказала? – наконец-то ее лицо приняло свое обычное недовольное жизнью состояние, и она начала исправлять свою ошибку. Все лекарство шло мне не в вену, а под кожу. Только после принятия этой информации мое сознание переключилось с ноющей боли на запястьях на новую жгучую пульсацию чуть выше сгиба руки. Натянутая до предела кожа начала приобретать синюшно-красный оттенок, а из маленькой дырочки, после изъятия иглы стала сочиться прозрачная вязкая субстанция. Мне наложили повязку, чтобы весь удар она вязала на себя, а не постельное белье.

- Немного поболит, не ложись на эту сторону и не разминай руку. Пей таблетки и спи! – не намек на сожаление, только скрывающаяся угроза в голосе. Две таблетки, обе белые, но что они за собой несут – неизвестно.

- А что за таблетки? – все-таки я решилась узнать.

- Тебе какая разница? Доктор выписал, я принесла, ты пьешь. Никаких лишних вопросов, - не слова, а какие-то

плевок пропитанных ядом реплик полетели в меня. Дрожащей от страха и боли рукой, я взяла пробирку с двумя кругляшками и, прислонив к губам, запрокинула ее. Набравшейся слюной протолкнула пилюли далее по пищеводу и, открыв рот, высунула язык, но не корча гримасу, а в знак повиновения. Безразмерная дама кивнула и покинула палату.

- Ты там как? Не обращай внимание, у нее вечный недоеб и говеная жизнь. Мы то отсюда выйдем рано или поздно, а она останется работать, пока не сдохнет, - и тут же ото всех четырех стен начал изливаться смех. Громче всех звучала Ася, чьи слова всех так развеселили. Какой звонкий мелодичный тембр.

- Спасибо, - легкой улыбкой ответила я на поддержку, - все же последую ее совету и посплю. День выдался не таким радужным как планировался.

Отвернувшись к стене лицом, морщась даже от легкого движения искалеченной рукой, я закрыла глаза и начала молить о другом, осознав, что это не ночной кошмар и мне не пробудиться от него. Теперь я просила, чтобы этот ад пролетел незаметно, и так быстро, как только умело спешить время. И меня наконец-то слышали.

Глава 9

Первая неделя пролетела, как во сне. О нет, вы не подумайте, что я была занята или нашла какое-то занятие по душе, которое затянуло меня с головой. Меня просто накачивали снотворным, антидепрессантами и транквилизаторами до беспамятства. Напивались ли вы когда-нибудь до такого состояния, что наутро можете вспомнить только отрывки проведенного вечера или полное отсутствие воспоминаний? Именно так я себя и ощущала, когда меня под руки переводили в другую палату. Это была первая полноценная сцена, которую удалось воспроизвести моему воспаленному мозгу, как только я открыла глаза в другом помещении.

- Павлак тут? Пошли со мной, - миловидная девушка лет двадцати пяти с двумя косичками и в белом халате стояла в дверях и смотрела на меня, как только я отозвалась на свою фамилию. Проскользнув в тапочки и запахнув халат, я направилась к ней, - у тебя ничего потеплее нет? Сейчас на улицу выйдем, там хоть и близко, но замерзнуть можно быстро.

- Нет, у меня из одежды только это, - показала я на себя.

- Ладно, тогда побежим, - хихикнула медсестричка.

К удивлению, мы не пошли к главному входу, вместо этого она провела меня по длинным коридорам с запертыми дверьми. И вот он – свежий весенний воздух. На мгновение я остановилась и стала хватать воздух носом и ртом, чтобы

как можно больше насладиться и «надышаться» перед возвращением в затхлые, непрветриваемые, тошнотворные палаты.

- Давай быстрее, замерзнешь, - девушка строго оглянулась и кивнула головой в сторону соседнего корпуса.

- Да, хорошо, иду, - как тяжело было выговаривать эти слова. Они своровали один вздох чистого, драгоценного кислорода.

Ускорив шаг, чтобы побыстрее настигнуть сопровождающую, я украдкой взглянула на зеленеющий лес и уходящую в него дорогу. Солнце проблеснуло в лобовом стекле приближающейся машины очень похожий на автомобиль брата. Девушка в халатике уже ждала меня у входа в здание, рассматривать детали было некогда, но щемящее чувство в груди не прошло мимо.

- Заходи в кабинет, назови свою фамилию, скажи, что на снятие швов. Если закончишь раньше, то подожди меня здесь, я скоро вернусь, - девушка рукой указала на дверь и в ту же секунду развернулась, начиная удаляться в противоположном направлении.

Следуя наставлениям, я вошла в кабинет и как на построении отчеканила всю нужную информацию. Женщина в возрасте пригласила меня сесть на кушетку и, сделав пару взмахов рукой над журналом, приступила ко мне. Срезав лохматые бинты с запястьев, она положила мои руки на столик для инструментов и по очереди начала обработку. Без лишних

слов и упреков я освободилась от 27 швов. Теперь остались только восемь розово-красных полос, напоминающих о моей неудавшейся попытке.

Сопровождающей еще не было и, заметив неподалеку приоткрытое окно, я двинулась к нему. Вид из него был великолепен: вечнозеленые сосны возносились над своими сородичами только набиравшими силу после зимы березами. Ярко-зеленая трава уже пробиралась сквозь остатки снега, но в глубине леса еще лежали нетронутые солнцем сугробы. Кира! Что он тут делает? Из главного входа выходил брат и закуривал сигарету. Страх сковал все органы, но мысль о дыме в легких успела засесть в голове. А где тогда мама? Меня заберут? Сколько мыслей и вариантов развития событий пронеслось в столь короткий срок.

- Так, я все. Пошли обратно, - сзади донесся голос мед сестры.

- Меня сейчас заберут? – вопрос прозвучал уж с очень явной надеждой.

- Пока еще нет, с чего ты это взяла?

- Внизу мой брат... и, наверное, мама, - уже с отчаянием проскулила я. Эля выглянула в окно и обвела парковку взглядом, пока не нашла между машин дорогого мне чело- века.

- Они скорее всего приехали для беседы с твоим лечащим врачом. Мы как раз направляемся к нему, может успеешь увидеться с ними. – приободряющим тоном сказала девуш-

ка.

Глава 10

Увы и ах, но к нашему приходу родственники успели исчезнуть. Какое чувство больше во мне откликалось, я так и не разобралась. То ли грусть, что я не увидела своих любимых, то ли облегчение, что не придется смотреть в разочарованные во мне лица. Медсестра провела меня опять коридорами внутрь здания и, постучав в дверь и открывая ее для меня, кивнула в сторону встречавшего нас врача.

- Здравствуй, меня зовут Макс. Как тебе, вероятно, уже сказали, я – твой лечащий врач, но давай не будем вешать друг на друга ярлыки, а просто попытаемся подружиться. Предлагаю общаться на «ты», чтобы мы чувствовали друг друга на равных. Садись в кресло и начнем наше знакомство. Расскажи что-нибудь интересное из своей жизни.

Рассказать что-то интересное? Какие же люди простые. Этот вопрос всю жизнь вводил меня в ступор. Как я могу что-то рассказать, если человек мне не знаком и я не знаю, что ему будет интересно. В этот момент в голове, как перед смертью, проносится вся жизнь. Однако, это просто крылатое выражение, ничего не проносится перед уходом из жизни - проверено.

- Если честно, то я не знаю, что вам рассказать. У меня обычная жизнь: школа – дом, дом – школа. Ну, иногда еще рисую, если остается время после готовки и уборки.

- А готовишь и убираешься только ты? Тебе не помогает мама, папа или брат? – чуть приподняв бровь, уточнил доктор. Нервный смешок вырвался из моих уст.

- Помогать некому. Мама с нами не живет, она уехала в другой город, чтобы найти работу и обеспечивать нас, но пока получается только наоборот. Приезжает она редко, да и толку от ее появлений. Все продукты, которые она покупает, уходят в эти несколько дней, пока она дома. Постоянные гости и пьяные посиделки... Брат работает целыми днями: после основной работы ему пригоняют машины, и он занимается их ремонтом. Нет, он старается чем-то помочь, но это происходит редко. А отец... а отца у меня больше нет.

- Что значит «нет»? – приподнимая бровь и что-то записывая в журнале, уточнил врач. Окунемся в омут прошлых лет...

Прошрое: возраст, примерно, 7 лет.

-Можно остаться у тебя сегодня с ночевкой? – прервала молчание при раскрашивании картинок подруга детства Эля.

- Наверное можно... я сейчас спрошу у мамы, - ответила я, поднимаясь со стула, чтобы найти маму. Еще спускаясь по лестнице, предчувствие шептало отрицательный ответ на данный вопрос, но я все же решила пойти на риск.

- Ма, а можно Эля сегодня у нас останется, – на выдохе протараторила я, а дальше уже еле слышно добавила, - на ночь?

- Пусть остается, только бабушке ее скажите, - не отрываясь от нарезки овощей на суп, на мгновение о чем-то задумавшись, ответила мама. Тогда я даже не заострила бы на это внимание, но спустя время, вспоминая прошлое, начинаешь понимать поступки своих родителей. Я думала, что ответ будет «нет» и была крайне удивлена противоположным результатом, а заключался он в том, что буквально несколько часов назад мама видела из окна гостиной как отец Эли и еще трое мужчин, еле стоявшие на ногах, выходили из дома по направлению ближайшего магазина, чтобы пополнить запасы спиртного и продолжить застолье. Ее благосклонность была не в угоду моим прихотям, а актом милосердия к осиротевшей девочке при живом отце.

-Спасибо! Мы тогда к ней сбегает и обратно.

-Давайте недолго, скоро обедать будем.

И вот мы две девочки семи и девяти лет (Эля старше) лежим на диване в моей комнате и бурно ведем обсуждение, перебивая друг друга, не давая закончить мысль, но при этом сдвливаем смешки. С первого этажа доносится звук двери, которая с невероятной силой соединилась с дверной коробкой, из-за чего вибрация прошла по всем стенам. Мы переглянулись, сразу замолчали и стали прислушиваться. Доносившиеся отголоски речи были не разборчивы, только четко определялись два спорящих на повышенных тонах голоса. Через несколько минут еще один хлопок и третий голос вступает в конфликт.

- Посиди тут, я пойду посмотрю что там, - дав наставления подружке, я на носочках уже двигалась в сторону лестницы. Слова становились отчетливее, и несколько фраз долетели до моих ушей: «жирная свинья; нихуя не делаешь; только трахаешься с зеками и со своим сыном». Удар. Я сидела на ступеньке лестницы и наблюдала как мой брат, озверев от последних слов отца, соединил свой кулак с его головой. Чтобы не упасть после ошеломительного действия, отец ухватился за ручку двери, прижался спиной к стене и взвыл. Нечеловеческий рёв вырывался из его рта. Страх. Именно он облепил мое тело, обездвижив и заставляя смотреть дальше. Страх за отца, брата или за саму себя не отпускал.

- Сынок, не трогай, пожалуйста! – послышался крик матери, но видно ее не было. Сцена с двумя персонажами замерла. Все пытались успокоиться и очнуться от этого помешательства.

Вот и мое чувство самосохранения проснулось, заставившее подняться со ступенек, чтобы вернуться к подружке, но предательская дощечка скрипнула подо мной, тем самым, обратив на себя внимание. Сорвавшись с места, отец побежал ко мне и умоляющим скулящим голосом звал меня, прижимая рукой ухо. По мере приближения все четче и четче взору открывалась ужасающая картина. Только представьте, ваш отец с перекошенным от боли лицом; с одной стороны текут струйки крови, которые пытаются сдерживать рукой, но и ее всю обволокло красной жидкостью; сквозь пальцы

выглядывает край плоти, рассеченной пополам; дрожащие от подскочившего адреналина и высокого содержания алкоголя в крови губы произносят твое имя с надеждой, что ты спасешь его.

- Аврора, Авророчка, доченька, пожалуйста, Авророчка, - подходя ближе произносил отец все тише и тише. Бежать! Только бежать! Я вскочила на ноги и побежала в свою комнату.

Прошрое: возраст, примерно, 9 лет.

Очередная тихая летняя ночь. Из приоткрытого окна разносится медленный, ритмичный стук колес поездов. Шепот ругательств, вырывавшийся из уст брата в микрофон и нервное отбивание клавиш ноутбука. Периодическое похрапывание за стенкой означало, что мама уже уснула. А я лежала в своей кровати и никак не могла уснуть, прислушиваясь к каждому шороху. Отдаленный топот и невнятный диалог нескольких людей достиг моих ушей. Я продолжала лежать неподвижно и пыталась разобрать кто из соседей мог в такой час ходить по улице. Стук калитки дал понять, что эти люди шли не по улице, а к нам в дом.

- Кир, - брат оторвался от игры и вопросительно взглянул на меня, - там кто-то к нам домой идет.

- В смысле? Кто идет? – снимая наушники, уточнял брат.

- Голоса и топот во дворе, - не поворачивая головы, чтобы не прерывать фокусировку на звуках, еле слышно ответила я. Кира тоже повернул голову и стал прислушиваться. Выра-

жение его лица с непонимающего быстро переменялось на гневное. Голоса уже входили в дом и один из них принадлежал отцу. Он громко что-то рассказывал и смеялся. Послышался скрип лестницы. Кого и зачем отец ведет в наши комнаты?

- ... а вот этот второй этаж я построил с нуля. Столько денег было вложено и все погорело. Переделывали долго, да так и не закончили до кон... Соня? А ты что тут делаешь? Вы же с детьми в Питере! – со страхом в голосе воскликнул отец.

- Сиди в комнате и не выходи, - особо подчеркнув последнее слово голосом, сказал брат и вышел в коридор, прикрывая за собой дверь. Любопытство брало верх и тихими шагами я придвигалась к дверной щелочке, чтобы слышать разговор, а может что-то увидеть.

- Соня, Сонечка, не ругайся. Мы просто с другом пришли отдохнуть. Я ему показываю какой дом мы с тобой построили, - начал оправдываться отец.

Только я нашла нужное положение для обзора за развитием событий, как сцена на лестнице закончилась. Моя мать немаленькая женщина с тяжелой рукой от вопиющей ситуации не нашла лучше выхода, чем столкнуть пьяных мужиков вниз по ступенькам, а далее вышвырнуть их из дома.

Только спустя время мама рассказывала в каком шоке она находилась еще несколько дней из-за того, что отец в очередной раз напился и решил показать своему собутыльнику

дом. Он думал, что мы уехали (откуда были такие мысли – без понятия), поэтому открыто вел его в жилище и в красках описывал свои, отчасти, вымышленные труды. И когда они почти поднялись на второй этаж, в наши спальни, то их встретила обезумевшая мама с кулаками. Два тела полетели по пролету, а дальше, немедля ни секунды, вскочили на ноги и понеслись через весь дом в гараж. На первый взгляд это могло показаться ловушкой, так как основные двери гаража открывались с другой стороны, а запасная уже несколько лет не использовалась, из-за чего свою функцию потеряла. Есть в нашем языке хорошая поговорка «У страха глаза велики», как некстати она подойдет для этого события, ибо не описать по-другому из-за чего двое взрослых мужчин от дикого страха перед одной женщиной выломали намертво прикипевшую дверь.

Прошлые: возраст - 6 лет

Мои ноги в сырой, влажной земле от недавно пройденного летнего дождика. К пальчикам прилипает земля, а я еще глубже погружаю в нее ноги. Растущая ботва картофеля, частично пожираемая колорадскими жуками, окружила меня со всех сторон. Поднимаю голову и перевожу взгляд на дом, из которого несколько минут назад меня вынес брат на руках, чтобы не видеть очередной, но первый на моей памяти скандал родителей. «Ты поганая сука; грязная мразь; жирная свинья» и многие другие слова, разносившиеся на всю округу, оскверняли детский слух.

- Аврора, подойди ко мне. Я тебе собрал малину, хочешь? – присаживаясь на корточки и протягивая руку с пригоршней ягод, звал меня четырнадцатилетний брат, пытаюсь выдать из себя улыбку.

- Почему мама и папа ругаются? Они больше не любят друг друга? – приближаясь ближе к брату, задала наивный детский вопрос.

- Нет, ты что, конечно любят, - и тут он замешкался, пытаясь подобрать оправдание такому поведению родителей, - просто взрослые иногда ссорятся.

Больше Кира не нашел объяснений, а я и не хотела знать. Эта сцена была самой яркой в детских воспоминаниях. Каждое слово отца эхом отдавалось в моей голове; метаящийся брат, которому было поручено быть со мной и всеми силами сдерживающийся, чтобы не вернуться в дом и помочь матери; мама, вступившая в словесную схватку, а в дальнейшем в физическую, успевшая только крикнуть «хватай девку и беги!» брату, чтобы мои глаза не видели того ужаса, который воцарился на кухне. Триггером послужил конечно же отец. Увидев дома ящик с алкоголем и холодильник, забитый разнообразной едой, он решил собрать всех собутыльников и устроить пир, забывая, что это все было куплено мамой на собранные деньги с группы для празднования окончания института. Когда мы вернулись домой, то гулянка уже завершилась и за столом остался только хозяин дома, окруженный кошками, доедающими остатки сыров и колбас. Дождавшись

прихода матери, отец сразу начал разговор с оскорблений и немислимых выводов, обвиняя ее в разгульном образе жизни. Когда человек не может найти причину, в чем можно обвинить другого, он начинает перекладывать свои грехи не его плечи. Так множество похождений отца, одно из которых происходило на моих глазах, стали пороками матери, которые он использовал в каждом скандале. А дальше... один удар по лицу и выбитая челюсть. Мама не осталась в долгу и ответным ударом сломала своему супругу 4 ребра. Эти подробности я уже узнала спустя время, а тогда после завершения побоища, сидела рядом с папой и успокаивала его, пока тот изнывал от боли с гематомами на теле, а мама в это время в травмопункте вправляла кости черепа.

- Теперь скажите доктор, у меня есть отец? – с нескрываемой издевкой в голосе я задала вопрос врачу. Сидя спиной ко мне и не прерывая ни разу мой рассказ, молодой мужчина молчал. Никто не решался прервать затянувшуюся паузу, но из-за специфики работы психиатр сдался.

- Что бы не делал твой папа, он все равно остается твоим родителем. Твое отношение к нему объективно понятно, но эти обиды вызваны эмоциями твоей мамы, - сосредоточив свое внимание на журнале и опять что-то записывая, начал говорить врач, - давай пройдем пару тестов, и я тебе задам еще пару вопросов.

Еще несколько часов я провела в кабинете мозгоправа, где мы разбирали мой поступок и отношения со всеми близкими

мне людьми. Из всей беседы подвели неутешительные итоги: обида на мать (которую я не признаю, ну или признаю частично) из-за того, что она «бросила нас» и уехала искать работу; приравнивание брата к Богу и неизгладимое желание цепляться за него, как за спасательный жилет; необоснованная ненависть к отцу, вызванная переживаниями других людей. Вишенкой на торте стали два диагноза: биполярное аффективное расстройство и расстройство пищевого поведения – анорексия вместе с булимией.

Глава 11

Видимо, одного разговора хватило моему врачу, если после этого раза он больше не назначал мне консультаций. Оставшиеся три недели я слонялась по отделению и заводила новые знакомства. Достаточно близко я сошлась с двумя девушками, с которыми лежала в первую неделю в палате-изоляторе.

Ася - та девушка с колокольчиком вместо голоса, не особо привлекательная внешностью с многочисленными шрамами на лице, оставшихся из-за угревой сыпи, которая у нее была в подростковом возрасте. Какая чистая, открытая и светлая душа. Благодаря ей мои дни в этом проклятом заведении были не так мрачны, как было задумано создателем данного места.

- Пошли тихонечко покурим, пока пересменка. Я припасла одну сигаретку, - подмигивая мне и толкая локтем в бок, приглашала Ася.

Почему это было скрытно? Да потому что здесь даже курение сигарет было по расписанию. Пять раз в день свиноподобная медсестра, вереща на все отделение «Курилки, курить» созывала всех на «собрание» в туалет. Я быстро определила, в какие часы шел клич и заранее шла в туалет, так как из-за возраста и потому что мне не привозили сигареты, меня не пускали со всеми. Таким образом мне удавалось

сделать пару затяжек, пока одна за одной сигареты по кругу обходили через все рты.

И вот мы около приоткрытой створки окна, обрамленного железными прутьями, что только рука пролезала в отверстие, впускаем свежий апрельский воздух в зловонную комнату и по очереди втягиваем в себя сигаретный дым.

- Знаешь что мне это напоминает? – призадумавшись после нескольких затяжек заговорила Ася.

- Что? Тюрьму? – с иронией задала я вопрос.

- Именно! – усмехнувшись своему ответу или моему вопросу продолжала девушка, - прежде чем попасть сюда меня посадили в спецприемник.

- За что? – выпучив глаза, я крайне удивлено уточнила.

- Пошутила над полицией, - Ася улыбалась, интригуя все больше.

- Расскажешь или так и будешь томить?

- Расскажу, расскажу. Докуривай и пошли, а то меня одолев запах дерьма.

Сделав последнюю затяжку, мы направились на общий диван, пока его никто не занял, чтобы услышать увлекательную и смешную историю.

Всего две недели назад Ася с друзьями отмечали какое-то событие. Когда закупленный алкоголь закончился, то в ход пошло все что было, разбавленный медицинский спирт, абсент и даже тройной одеколон. Опустошив все запасы, компания стала расходиться, а Ася решила их проводить. Поса-

див друзей в автобус и оставшись одна, она не пожелала возвращаться домой, а продолжала сидеть в одиночестве. Проезжавшая патрульная машина навела ее на мысль, а почему бы не позвонить в полицию?

- Дежурная часть, чем можем помочь? – сухой и безэмоциональный голос послышался в трубке.

- Алло, поговорите со мной, мне так скучно и одиноко, - полушутя, полуигриво ответила Ася.

- Девушка, это шутка? Вы понимаете, что за ложный вызов можно получить штраф, - серьезным и более грубым тоном раздалось в ответ.

- А я не шучу, мне правда скучно и одиноко. Друзья уехали, и я осталась совсем ..., - не дав закончить фразу полицейский скинул вызов, чем разозлил собеседницу, но не остановил от повторного звонка. В трубке опять разносились гудки.

- Дежурная часть, чем можем помочь? – все тот же сухой голос.

- А если я скажу, что кого-то убила, вы поговорите со мной? – Ася поменяла стратегию.

- Девушка, опять вы! – уже разозлившийся сотрудник прошипел в ответ, - кого вы убили?

- Комара! Он напал на меня, и я оборонялась. Его бездыханное тело лежит все еще рядом, - хихикая, повествовала Ася. Спустя нескольких секунд молчания зазвучал сдерживающийся голос:

- Назовите адрес где вы сейчас находитесь.

Этой шуткой она крайне взбесила охрану правопорядка и уже через пять минут ее везли в отделение, где посадили за решетку, отобрав все вещи, включая пачку сигарет и зажигалку. Конечно же, через время ей захотелось покурить, и она начала, беснуясь, оскорблять сотрудников, а через пару минут умолять, но привыкшие к таким сценам люди не поддавались на ее манипуляции. Женщины – изобретательный народ. Осознав беспомощность своих угроз и молитв, она не нашла ничего лучше, чем порезать себя. Но как она это сделала! Вытащив косточку из бюстгальтера, Ася разломала ее пополам, чтобы создать острие и полоснула себе по запястью. Пол изолятора мигом стали украшать бордовые капли, а мужчины, не успевшие остановить это безумие, уже метались по отделению, попутно вызывая скорую.

- Ну и после того, как меня зашили, сразу вызвали машину дурки и привезли сюда, - заканчивала свой рассказ Ася.

- То есть ты ЭТО сделала просто, потому что тебя заперли в изоляторе? – не унималась я.

- Нееееет, - протянула она и улыбаясь продолжила, - я ЭТО сделала, потому что мне не дали покурить.

Глава 12

Дни тянулись мучительно долго. Привезенные братом альбомы были уже почти все изрисованными, даже был виден прогресс в этом хобби. С некоторыми «сокамерницами» я сдружилась более тесно. На удивление, я оказалась чуть ли не единственным человеком, который умел плести косы, поэтому несколько часов в день ко мне стояла очередь на услугу. Но все это никак особо не помогало скоротать время.

Еще в самом начале моего прибытия, я заметила криво стоящую тумбочку с перекошенной дверью в самом углу коридора. Сверху всегда лежало пару книг, периодически менялся только их порядок. Каждый раз, проходя мимо этой неустойчивой конструкции мой взгляд на ней задерживался и искал название или хотя бы авторов книг, но по подобранным и истертым обложкам уже было трудно что-то понять.

Читать я научилась довольно рано. Уже в пять лет мною были изведаны все детские книги в доме, и маме приходилось покупать новые все чаще и чаще. Но вот уже несколько лет мои руки не удостоились чести ни одного произведения. Как же все-таки обесценивание увлечений человека может отбить все желание заниматься любимым делом. Переступив эту грань взросления, перейдя в среднюю школу в статусе отличницы, спуститься с пьедестала, как бы комично это не звучало, заставили русский язык и литература. Все мои дик-

танты, сочинения, пересказ произведений и многое другое оценивались не выше тройки. Можно было подумать, что я безграмотный ученик, в принципе, как я и думала, в ближайшие три года, но все изменило одно незначительное обстоятельство. В восьмом классе учительница по русскому и литературе ушла в академический отпуск. И, о Боже, мои оценки за эти предметы кардинально изменились. Тетрадки перестали пестриться красными чернилами и стали украшаться только заветной оценкой «5» в конце работы. Мое счастье продолжалось ровно 9 месяцев. На последний год обучения вернулась несправедливость и все желание познавать классическую литературу испарилось вновь.

И вот настал тот день, когда после приема горсточки лекарств, я двинулась к этой тумбе. С чего началась моя любовь к классике – Достоевский Ф.М. «Униженные и оскорбленные». Хотя это произведение явно не для ума пятнадцатилетней школьницы, но какой явный эффект произвело. Книга была поглощена в кратчайшие сроки. Это оказалось единственное достойное произведение среди остального второсортного чтения, заключавшееся в любовных романах название которых, я и не вспомню.

До конца моего срока оставалось уже несколько дней и предвкушение свободы отбивало сон, даже несмотря на выдаваемое мне перед отбоем снотворное. Поворочавшись около часа, мое терпение лопнуло и чтение незаконченного романа возобновилось. Облокотившись спиной к прохлад-

ной стене и подобрав под себя ноги, я раскрыла книгу и, ломая зрение, пыталась разобрать буквы в тусклом освещении ночника над дверью.

- Не спится? – отчетливый голос разорвал висевшую тишину.

- А? Да, что-то не получается уснуть, - успокаивая участвовавший пульс, отвечала я

- И мне не дают уснуть... – с грустью в голосе произнесла Мэри. Помните ту девушку, которая лежала на койке и шептала что-то себе под нос в первый день моего пребывания, так вот это она. Нас перевели в одну палату и несколько раз между нами завязывался разговор, из которого было выяснено несколько вещей: она не моя одногодка, ей 30 лет! эту информацию я не могла принять и по сей день. А вторая, не менее шокирующая, то, как она здесь очутилась. Нет, она не вскрывала вены или пыталась другим способом покончить с собой, как многие содержащиеся здесь девушки, Мэри просто пыталась убить свою маму... - эти голоса никогда не замолкают.

Наш разговор прервался звонко бьющейся об оцинкованные стенки ведра струей. Видимо, наш полусшепот разбудил одну из соседок, а ее мочевой не упустил возможность пробуждения организма и дал о себе знать. Один из явных минусов жизни здесь – на ночь нас запирали на замок, а чтобы каждому не выдавать «утку», в центре палаты красовалось ведро. Не учли только одно, опорожнение бывают не только

мочевыводящих путей... пару ночей за это время нам пришлось терпеть мерзкий запах экскрементов, который чаще всего следовал после ужина, состоящего на 70% из консервированного гороха. Хотя был еще один минус, соревновавшийся с этим мероприятием - отсутствие полноценных ванн процедур. Хочешь помыться? Жди четверга. Но и этот день предполагал страдания. На выбор было дано две ванны: одна с кипятком, другая с еле теплой водой, а сопровождалось это все под взглядами трех медсестер и еще десятков женщин, ждущих свою очередь.

- А что они говорят? – пыталась выкинуть из головы воспоминания о голых телах.

- Что? Голоса? Не знаю, сейчас не знаю. Просто шум как на базаре, ничего не разобрать, но и уснуть не дают.

- Может позвать медсестру и попросить снотворного?

- Мне уже вкололи двойную дозу, - простонала Мэри и отвернулась к стене. Это были ее четвертые сутки без сна. Перед попыткой убить мать она не спала неделю, и голоса в голове стали четче, произнося одну фразу «Убей!». В последний момент, когда рука занеслась над головой бедной женщины, она отбросила нож в сторону, упала на колени и молила отправить ее сюда.

- Павлак, собирайся, за тобой приехали, - мерзкий голос провозгласил сладостный набор слов, которые я жаждала услышать целый месяц. Перед выходом из отделения меня встретил лечащий врач и дал предостережение, что, если

подобная выходка повторится, мое заключение здесь будет намного дольше.

Долго ждать выходки не пришлось. Уже спустя два дня мною была поглощена упаковка выписанных мне снотворных и оставлена новая записка. Натянутые отношения с близкими убивали все мечты новой жизни, которую я себе представляла, лёжа на холодных простынях сумасшедшего дома. Первый день в школе обернулся смешками и кинутыми то ли с издевкой, то ли от небольшого ума фразами «Ты жива?», «Плохо резала» и мое любимое «Надо резать вдоль, а не поперек». Учителя надменно и с презрением обращали свой взор и быстро отворачивались, будто меня и не существует.

Глава 13

Моя вторая попытка опять не увенчалась успехом. Я просто проспала два дня, а в редких случаях, когда вставала в туалет, то на ватных ногах и с белой пеленой на глазах, даже не так, с белой простыней перед глазами, так как я не видела ничего, кроме яркой, отдающей болью, белизны, перетекала из комнаты в комнату. После этого, истощенное доверие, окончательно покинуло наши отношения с семьей. Выписанные препараты выдавались по расписанию и сопровождались грозным взглядом брата полным болью и непонимания. Больше я не смотрела на его лицо. Стыд и остатки совести не позволяли этого делать. Ну и конечно же любовь. Да, да, все это было ради любви, так я думала, но, черт, как я ошибалась.

- Я поговорила с мамой Милы. После сдачи экзаменов вы вдвоем едете ко мне и поступаете в Московские колледжи, — как бы между прочим сообщила мне об это мать.

- Правда? – с сдерживаемой улыбкой пыталась поверить в произнесенное. Многие же мечтали дальше пойти учиться со своей школьной подругой, и вот моя мечта становится явью. Мила была тем человеком, который помогал мне во всем. Так почему же раньше о ней ничего не говорилось? Она не вмешивалась в эту грязь. Только поддержка, веселое время провождение в школе и помощь летом в огороде. Я

не посвящала ее в свои терзания и нанесла, как и всем близким, неопишущую боль своим поступком. Но наша дружба на этом не прекратилась. Она даже пыталась приехать ко мне, пока я была «под заключением», но ее не пустили. Именно она первая прибежала к нам домой, после известия о моей выписке, а не Карина. Со второй общение почти прекратилось, даже не знаю с чьей стороны это произошло быстрее, но к окончанию школы мы вообще избегали друг друга.

Эти пару месяцев пролетели незаметно. Подготовка к экзаменам съедала большую часть времени, а мысли о роскошной московской жизни подъедали оставшееся. Знаете про действие бумеранга? Пришло время и мне с ним столкнуться. Своей первоапрельской «шуткой» я не только никого не насмешила, но также подставила многих учителей. Уже через время мама мне рассказывала, что ее и еще несколько учивших меня женщин вызывали в ПДН и устроили им трёпку. Под угрозой была их дальнейшая карьера, а я могла оказаться в детском доме, так как вину спихивали друг на друга. Ответной реакции от руководства школы долго ждать не пришлось – в аттестате по математике красовалась оценка «3», при условии, что в четвертях стояли оценки 4/5, а по русскому языку «4», хотя экзамен был сдан на «5». Как бы мы не отстаивали справедливость, этот бой мы проиграли.

Переехали мы в середине лета, за пару дней до моего дня рождения. Поселились, впредь моим мечтаниям, не в столице, а недалеко находящемся городе Дмитрове, что означало

ранние подъемы и сборы для поездок в Москву. Полностью разбились мои розовые очки от осознания, где нам придется жить. Ветхое здание, годящееся только под снос, пряталось под густыми кронами близрастущих деревьев, а жильцы представляли собой контингент от мигрантов до простых трудяг. Да, это было общежитие, а через пару месяцев вернулись его основные жители – студенты.

- Так, девочки, разбираем койки, - обратилась к нам моя мать, открывая дверь и внося клетчатые сумки с вещами. Тепло покрыла мелкая дрожь, а в голове кто-то яростно закричал «БЕГИ!». Время как будто отмоталось на несколько месяцев назад, и я вернулась в ненавистный месяц заключения. Один в один обшарпанные стены и осыпающаяся побелка с потолка. И гребанные койки на пружинах. Это какое-то издевательство!

- Моя слева, - и портфель подруги с вещами полетел на скрипучие пружины.

- Аврора, не стой в дверях. Кидайте сумки и предлагаю пойти разведать, где у них здесь кухня и ванная, - мать уже успела распаковать несколько пакетов. Опомнившись и, полностью осмотрев комнату, я наконец поняла, что больше дверей в ней нет.

- А где кухня и ванная? – страшись ответа, все же решила спросить.

- Кухня на первом этаже, ванная с туалетом должна быть на нашем, - как ни в чем не бывало ответила мать. Нет, нет,

нет, это точно шутка. Общая кухня и туалет. Слезы стали наворачиваться на глазах и не желая испытывать мамино терпение, я окрикнула Милу, и мы пошли осматривать «достопримечательности».

- Да ладно тебе, не все так плохо, - подруга заметила мои мокрые глаза и покрасневшее лицо.

- Ты серьезно? Это просто кошмар на яву. Какой еще общий туалет... – губы задрожали сильнее и из глаз потекли слёзы.

Мы продолжили уже молча ходить по коридорам и заглядывать во все открытые помещения. Кухню, как и говорила мать, мы нашли на первом этаже. Просторное помещение с большими окнами омывали солнечные лучи и делали ее не такой плачевной, какой она представляла в ночное время суток. Старый еще советский холодильник скромно занимал дальний угол; рядом на шатких ножках, покрытой склизкой клеенкой, размещался небольшой стол; на противоположной стороне выстроились три эклектические плиты и на каждой было одна-две неработающих конфорок. Уже возвращаясь обратно, мы завернули в приоткрытую дверь рядом с нашим жилищем и очутились в комнате со множеством раковин и дверей. Заглянув в одну из них, в нос ударил запах фекалий и въевшийся уже даже в стены смрад мочи. Это был один из нескольких туалетов.

До последних чисел августа из запоминающихся событий стали только те дни, в которые мы все втроем ездили по кол-

леджам и подавали документы. На свой страх и риск, мой выбор пал только на два учреждения: московский медицинский колледж, второй тоже медицинский колледж только в соседнем городе. Мила пошла на еще больший риск и подала документы только в один колледж, который и представлял то общежитие, в котором мы жили, и находился в трех минутах ходьбы. Ее риск чуть не оказался провалом, так как ей отказали в поступлении, но буквально за неделю до начала обучения один из абитуриентов отказался от места и его отдали Миле – Божья благодать или шалости фортуны, тут называйте, как хотите.

Мне же повезло в обоих случаях и, недолго думая, с 1 сентября я стала студентом-медиком в Москве. Я была на полпути к исполнению мечты, заключающая в себе будущее в профессии патологоанатома. Чаще всего люди, занимающиеся этим делом, изначально не мечтают об этой специальности, но в моей голове этот план созрел еще несколько лет назад.

Прошрое: возраст - 13 лет

Мелкий снег бился об рамы кухонных окон, захваченный вечерним разгулявшимся ветром. По другую сторону этих окон мирно и сладостно, свернувшись калачиком на маленьком диване, я пребывала в мире грёз. На плите тихо булькал готовившейся суп и потрескивали котлеты, разнося и пробиваясь через сон, запах жаренного мяса с луком.

- АВРОРА! БЫСТРО ИДИ СЮДА! – надрывая голосо-

вые связки, закричал Марк, ворвавшись на кухню. Тело будто ударило током, и я тут же вскочила на ноги и побежала на голос.

- Зови маму, быстро... - уже тише, но все равно настойчиво сказал парень, смотря мне в лицо, пока в его глазах читался явный ужас и отчаянье. Его руки держали обмякшее тело моего брата, а вокруг них расплзалась кровавая лужа.

- Что, что слу-случилось? – забыв о поручении, заикаясь и задыхаясь на каждом слове начала я свои расспросы. С повисшей руки хлестала кровь, но откуда она брала начало - не понятно. Явных порезов обнаружено, на первый взгляд, не было. Вспомним анатомию человека: кисть состоит из пяти трубчатых костей, а они в свою очередь образуются из трех фаланг, кроме большого пальца, в нем только две. Тогда почему у моего брата их меньше?

- МАМУ ЗОВИ! – без церемоний опять закричал Марк. Пока мозг переваривал информацию, ноги уже неслись в соседнюю комнату.

- Мама, мама, мама! – не слыша себя в беспомощной мольбе звала я мать.

- Что такое? Не даете даже в туалет сходить, - недовольно бурча отозвалась наконец-то мама, закрывая за собой дверь в сортир.

- Кире пальцы оторвало... – не понимая, что говорю, падая на колени, выплонула я эти слова и зарыдала. Немного оттолкнув в сторону, чтобы освободить проход, мимо про-

неслась мама, а я все так же продолжала сидеть.

Наконец мозг собрал в едино это замысловатый пазл. Кисть состоит из пяти пальцев, а у Киры было всего лишь два нужной длины. Вот откуда шла кровь, вот что я сказала матери. Вскочив на ноги, я побежала обратно на место происшествия: мама звонила в скорую, Марк побежал в гараж собирать отсеченные части, а мой брат, мой бедный брат, на подкосившихся, трясущихся ногах стоял у раковины и, борясь с желанием рухнуть без сознания, пытался включить воду, чтобы приостановить этот напор крови. Подлетев к нему, я тут же просунула голову под его плечо, став опорой; настроила воду и сунула обрубки пальцев в ледяной поток. Большого всего пострадал безымянный, от него осталось только полторы фаланги, а средний и мизинец лишился по половине первой фаланги. Грубо говоря, не было ногтевой пластины. Как на анатомических плакатах перед моим взором предстал разрез части человеческого тела. В те короткие моменты, когда вода уносила с собой в слив выделявшуюся кровь, а новая еще не успевала набраться, можно было разглядеть все слои, составляющие наш многофункциональный инструмент. С каждой минутой все тяжелее и тяжелее было держать тело взрослого парня и, не разбирая чья рука просунулась между нашими телами, я схватила белый шарик, смоченный нашатырным спиртом, начала натирать виски брату, а потом размахивать резко воняющей ваткой перед носом, не оставляя себе удовольствие вдохнуть этот «аромат» для ясности

сознания.

В дом вошли три женщины разных возрастов и сняли груз с моих плеч, усадив брата на диван, на котором 20 минут назад я еще мирно спала. Осмотрев область поражения, старшая из бригады начала закидывать его вопросами: ФИО, возраст, как все произошло, а в конце добавила:

- Что-то ты серый какой-то.

- А каким я должен быть, розовым, как поросенок? – выдавливая из себя улыбку, с вызовом смотрел на нее Кира.

Вытащив из морозилки потерянные пальцы и обернув их в полотенце, все начали покидать дом. В больницу меня с собой не взяли, оставив тринадцатилетнего ребенка одного со своими мыслями. Быстро опустевшая комната и опустившаяся тишина резко начали давить на меня. Чтобы хоть как-то взять в себя в руки, я набрала в ведро уже теплую воду и приступила к отмыванию кровавых следов произошедшей трагедии. Сердце щемило каждый раз, когда заканчивала уборку одного места и переходила к новому. Я уже сбилась со счета сколько ведер было сменено до той поры, пока на кухне не исчезло последнее красное пятнышко. Уже отложив ведро и собираясь включить воду в раковине, чтобы ополоснуть пропитавшуюся кровью тряпку, я заметила застрявшие в сетке слива бордовые сгустки. Мои нервы не выдержали. Из глаз хлынули слезы, слюни заполнили рот, а дрожащие губы молвили «Кира, братик, Кирочка». Тело стекло по фасаду кухни, голова уткнулась в согнувшиеся ноги, а изо рта

в перемешку со слезами, соплями и слюнями неразборчиво срывалось имя брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.